
«С детства я знала, что самый опасный зверь – человек»
18+
Мир теней
Аля Котик
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
Котик

Аля Котик
Мир теней

https://litres.ru/74708924
SelfPub; 2026

Аннотация

«Мир теней» — тёмный психологический триллер о Лилии, девочке, у которой на глазах убили отца. Сергей, бывший снайпер и наёмник, работал на Мару — властную женщину, которая любила его по-своему, но не мешала ему возвращаться к дочери. Однажды, выйдя из магазина игрушек с подарком для Лилии, он получает два удара ножом под рёбра. Девочка остаётся одна: впереди — детский дом, издевательства, насилие и годы молчаливой ярости.

Спустя время Мара удочеряет повзрослевшую Лилию и привозит её в огромный коттедж, где свет, чистота и тишина — оказывается витриной. Сын Мары, Николай, начинает «обучение»: он раскрывает Лилии правду о её отце, о тайнах ремесла, которым занимался он, и о том, зачем она нужна его семье. Из сломленной жертвы Лилию хотят превратить в оружие — жестокое, послушное и способное заметать следы, лучше чем тот, кто зачал её. Но чем больше она узнаёт, тем сильнее меняется сама: от страха к ненависти, от ненависти к холодному расчёту.

Содержание

Пролог 5
Глава 1 10
Глава 2 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Аля Котик
Мир теней

Пролог

«В мире, где люди мрут как мухи, трагедия сменяется статистикой. И статистику пишет тот, кто остался в в живых.»

P.s. Аля Котик

Сергей не любил слово «наёмник». Он называл это работой. После службы, где его учили только одному — ждать, дышать ровно и стрелять, — мир вокруг оказался слишком шумным и слишком мягким. Он пробовал жить обычной жизнью: растить дочь Лилию, снимать квартиру с обоями в цветочек. Жена умерла при родах — он остался один с ребёнком на руках. Но прошлое не отпускало. Оно сидело в позвоночнике, в пальцах, в умении замечать то, чего не видят другие.

Так в его жизни появилась Мара. Властная женщина с холодными глазами и мягким голосом, которая умела говорить «нужно» так, что это звучало как приказ. Она нашла его сама. Не жалела, не уговаривала, просто предложила работу. Сергей согласился. Сначала на одну «услугу», потом на другую. Он убирал людей, которых Мара называла проблемами. Работал чисто, без лишних слов и следов. Мара платила щедро. Ещё она смотрела на него чуть дольше, чем требовала деловая необходимость.

Сергей знал, что она его любит. И отвечал ей тем же — пылко, жадно, без оглядки. Мара не настаивала на близости, не тянула к себе, не закатывала сцен и не препятствовала

его встречам с дочерью — так, будто это было ещё одним пунктом в их странном договоре. Но когда он приходил к ней сам, она принимала его так, будто ждала всю жизнь. Сергей не обольщался: в её любви было слишком много расчёта. Но было и другое — что-то тёплое, спрятанное глубоко, как оружие под пальто.

В тот вечер он вернулся после заказа. Всё прошло быстро: один выстрел, стекло, короткий силуэт в окне, тишина. Мара сидела в кресле у камина, в котором не горел огонь. На столе стоял бокал с вином, нетронутый.

— Чисто? — спросила она, не оборачиваясь.

— Чисто, — ответил Сергей.

Он снял куртку и повесил её на спинку стула. В комнате пахло дорогим парфюмом и холодом. Мара повернула голову. В её взгляде было то, чего Сергей всегда избегал: слишком много женщины, слишком мало дела.

— Я хочу день, — сказал он. — Увидеть Лилию.

Мара долго молчала. Она могла отказать. Могла напомнить, что он нужен здесь. Но она не сказала ничего. Только подняла бокал и сделала маленький глоток.

— Хорошо, — произнесла она наконец. — Я дам тебе один день. Но потом ты познакомишь меня с ней. Я хочу увидеть твою девочку.

Сергей кивнул. Он знал, что она не откажет. В её разрешении было и великодушие, и ревность, и расчёт — как будто она отпускала его к другой жизни, чтобы потом напомнить,

где его место.

В обещанный день Сергей приехал к магазину игрушек. Лилии было двенадцать. Он давно обещал купить ей что-то, но всё откладывал. Внутри пахло пластиком, краской и детским счастьем. Он выбрал плюшевого зайца с длинными ушами, положил его в бумажный пакет и вышел на улицу. Через плечо у него висела небольшая сумка.

Лилия ждала у входа. Увидев отца, она бросилась следом, засмеялась и дёрнула его за рукав. Сергей наклонил голову, чтобы слушать. И в этот момент из-за угла шагнул мужчина в маске.

Без крика. Без предупреждения. Только короткий шаг и блеск лезвия. Первый удар вошёл под ребра — резко, глубоко, как в масло. Сергей дёрнулся, попытался перехватить руку, но второй удар повторил первый. Серая футболка мгновенно стала мокрой, пропиталась кровью и прилипла к телу. В ушах зашумело. Бумажный пакет выскользнул из пальцев, заяц упал на асфальт.

Лилия замерла. Её лицо в одну секунду стало белым, как бумага. Она смотрела на отца, на его руку, которой он держался за бок, на кровь, что капала на серый асфальт с глухим стуком: кап… кап… кап…

Нападавший вырвал у Сергея сумку и исчез в переулке. Лилию он не тронул. Ей оставили жизнь, но отняли всё остальное.

Сергей не закричал. Он опустился на колени, продолжая

смотреть на дочь. В его глазах застыло непонимание и дикая тоска. Он хотел что-то сказать — может быть, «беги», может быть, «прости», — но из горла вырвался только хрип. Лилия стояла в оцепенении и ждала, что убийца вернётся. Но в переулке было пусто. Только ветер шевелил уши плюшевого зайца на окровавленном асфальте.

Глава 1

Ей было двенадцать. Возраст, когда мир должен пахнуть весной и сладкой ватой, но для Лилии он пах казенной хлоркой и сыростью старых стен. Она сидела на скрипучей железной кровати, подтянув колени к самой груди. В её облике уже угадывалась та чистая, ещё не оформившаяся красота, которую замечают не сразу: светлая кожа, тонкие брови, упрямо сжатые губы и русые пряди волос, выбившиеся из-под резинки и падавшие на виски. Тело у неё было по-детски сухощавым, но ладным и спортивным — прямые плечи, крепкие руки, собранная, будто пружина, фигура. Тонкие и белоснежные пальцы судорожно сжимали колени, словно она пыталась удержать себя от распада.

Вокруг нее кружили тени. Дети, чуть старше и крупнее, тыкали в нее пальцами, как в диковинного зверька в клетке. Их голоса сливались в один гудящий улей, полный нелестных слов: «Сирота», «Кукла», «Дрянь». Они смеялись, и их смех отскакивал от голых стен казенного коридора.

Но Лилия плакала не от их слов. Слова — это просто звук. Она плакала от оглушающего, липкого осознания места. Она оказалась здесь. В детском доме. В точке невозврата.

Мать она никогда не знала — та умерла, подарив ей жизнь, оставив после себя лишь смутную тень и имя. А отец... Отец был её вселенной. Сергей был мужественным и добрым. Теп-

ло его рук всегда дарило уют. Он называл её «Крошка». Но однажды этот свет погас.

Память Лилии была жестокой. Она не спрашивала разрешения, чтобы вернуться. Каждый раз, когда девочка закрывала глаза, реальность детского дома рассыпалась, уступая место тому серому утру. Она снова видела его — человека в маске. Безликого, безжалостного. Она видела, как блеснуло лезвие и вошло под ребра отцу. Сергей молча посмотрел на дочь, и в его глазах застыло непонимание и дикая тоска.

Кровь. Её было так много. Она расплывалась по серой футболке отца, превращая ткань в тяжелый, мокрый ком. Лилия стояла в оцепенении, ожидая, что убийца повернется к ней. Но грабитель лишь схватил сумку и исчез в переулке. Ее не тронули. Ей оставили жизнь, но отняли всё остальное.

С тех пор прошло 4 года. Четыре года ада.

Лилия привыкла. Она научилась жить по свистку. Ранний подъем, когда небо еще серое, занятия, монотонное вышивание, где игла колет палец, чтобы напомнить о боли, и отбой. Она привыкла к издевательствам, научилась делать лицо камнем, когда внутри все кричит. Она стала тенью среди теней.

Но однажды ночью, когда ей исполнилось шестнадцать, тишина разорвалась. Той ночью коридор детского дома казался вымершим. В комнате, где обычно спали три девочки, осталась только Лилия. Остальные — вечные беглянки — снова ушли за территорию: через щель в заборе, к заброшен-

ной котельной, где старшие курили, слушали чужой плеер и делали вид, что они не в детдоме, а в другой, более свободной жизни. Лилия же не пошла. Она лежала на своей кровати, укрывшись тонким одеялом, и слушала, как ветер скребёт жестяной отлив на окне.

Дверь открылась без стука. Не скрипнула — просто темнота в коридоре качнулась, и в проёме появились два силуэта. Это были двое юношей старшей группы. Про них говорили взрослые, что ещё год — и они пустятся во все тяжкие за территорией детского дома. Лилия узнала их по походке, по запаху дешёвого табака и перегара, который они принесли с собой. На этих подростков не было управы: никто не мог с ними справиться и вдолбить в их искалеченный мозг моральные ценности без того жестокого мира.

Первый был высоким, с широкими плечами и внушительной мышечной массой. Узкие скулы, шрам через щёку, темно-русые волосы, влажные от пота, блестели в лунном свете, падавшем из окна. Второй — чуть ниже ростом, с телом атлета, короткой шеей и руками, которые он сжимал в кулаки. На его лице застыла похотливая улыбка. Их глаза блестели в темноте чем-то животным, бесконтрольным. Не человеческим. Голодным.

Лилия села на кровати, вцепившись пальцами в край матраса. В горле пересохло. Она хотела спросить «что вам надо?», но слова застряли, будто ком ваты. Высокий шагнул вперёд. Второй прикрыл дверь и остался у входа, прислонив-

шись спиной к стене.

— Смотри-ка, — тихо сказал он. — Одна осталась.

— Повезло, — отозвался высокий и облизнул губы.

Лилия рванулась к окну, не думая ни о чём. Просто тело само дёрнулось к свету, к щели, к любой возможности исчезнуть. Но высокий оказался быстрее. Он схватил её за плечо и швырнул обратно на кровать. Пружины жалобно звякнули. Лилия открыла рот, чтобы закричать — изо всех сил, на весь этаж, чтобы кто-нибудь, кто угодно, пришёл. Но крик не успел родиться. Жёсткая, потная ладонь второго зажала ей рот, превратив звук в беспомощный хрип. Ладонь пахла солью, грязью и чем-то кислым. Лилия дёрнулась, попыталась укусить, но пальцы сдавили сильнее, прижали нос. Воздуха не стало. Она забилась, как рыба на суше, а перед глазами поплыли чёрные пятна.

— Тихо, — прошипел второй. — Пикнешь — хуже будет.

— Никто не придёт, — сказал высокий от двери. — Все ушли. Воспиталка дрыхнет. Мы проверили.

Он молчал, пока второй держал её. Потом взял её запястья и заломил за спину. Резко, до хруста. Боль вспыхнула в суставах, острая, как игла под ноготь. Лилия выгнулась, пытаясь сбросить его, но он держал крепко, будто придавил железом. Слёзы потекли сами, заливая щёки и ладонь, которая всё ещё закрывала рот. Она мычала, дёргала ногами, но одеяло запуталось, а второй уже навалился сверху, придавив колени. Она попыталась закричать снова, но рука только

сильнее вжалась в лицо. Высокий присел рядом на корточки, глядя ей в глаза. В его зрачках не было ничего, кроме любопытства. Он смотрел, как она плачет, как бьётся, как медленно понимает, что никто не спасёт. И от этого взгляда стало страшнее, чем от боли в запястьях.

— Не дёргайся, — сказал он. Голос у него был ровный, почти скучающий. — Быстрее закончим.

И тогда внутри Лилии что-то щёлкнуло. Не смирение — ненависть. Острая, холодная, внятная. Она ненавидела их руки, их дыхание, их запах, их сытые, любопытные глаза. Ненавидела то, как легко они распоряжались её телом, будто оно было вещью, которую можно передать из рук в руки. Она перестала биться не потому, что сдалась, а потому, что поняла: её тело сейчас не принадлежит ей. Но её ненависть — принадлежит. И её никто не отнимет.

Она смотрела в потолок, на трещину, похожую на молнию. Считала секунды. Считала капли, которые падали с крана в углу. Только вода. Больше ничего.

Дальше память милосердно рвётся. Остались обрывки: тяжесть, боль, запах пота и табака, тихий смех, чьи-то руки, которые держали слишком крепко. Она ушла в себя, в точку, где не было ни детского дома, ни этих двоих, ни её самой. Когда всё закончилось, они не сказали ни слова. Высокий просто разжал пальцы, и её запястья упали на матрас, как плети. Второй слез с неё, тяжело дыша, вытер вспотевшие руки о штаны и отвернулся. Высокий ещё постоял несколько

секунд, глядя на неё сверху вниз, будто запоминал — её растрёпанные русые волосы, мокрое от слёз лицо, неподвижную позу. Потом усмехнулся и отошёл к двери.

Лилия лежала на спине, раскинув руки. Между ног было мокро и больно, но эта боль казалась далёкой, чужой, будто происходила не с ней, а с кем-то другим. Что-то тёплое стекало по внутренней стороне бедра, впитываясь в тонкое одеяло. Она не двигалась. Не пыталась прикрыться. Не смотрела на них. Просто глядела в потолок, на трещину, похожую на молнию, и считала удары сердца. В комнате стоял запах пота, табака и чего-то ещё — тяжёлого, животного. Этот запах, казалось, впитался в стены, в подушку, в её кожу.

Высокий одёрнул футболку и первым шагнул к выходу. Второй последовал за ним, бросив на прощание:

— Никому не скажешь. Поняла?

Лилия не ответила. Даже не моргнула. Высокий задержался в дверях, обернулся, хотел что-то добавить, но передумал. Только пожал плечами и вышел.

Дверь закрылась с тихим щелчком. И только тогда Лилия медленно повернула голову. Посмотрела на закрытую дверь, на пустые кровати вокруг, на полосу лунного света, которая пересекала пол и упиралась в её босую ногу. Где-то в коридоре стихли шаги. Лилия закрыла глаза и провалилась в сон.

К утру она встала. Умылась холодной водой. Заправила кровать. Пришла на завтрак и села за стол в углу, как обычно. Никто ничего не заметил. Никто ничего не спросил. А

внутри неё уже росла другая Лилия — тихая, холодная, с затаённой злобой на всё живое и с ненавистью к тем, кто считал, что имеет право брать чужое тело без разрешения. Те двое сделали своё дело. Они познакомили её со взрослым миром и оставили её в надломленном состоянии.

Спустя некоторое время, когда раны на теле затянулись, но на душе остались рубцы, в детский дом приехала гостья. Молодая женщина, элегантная, с хищным блеском в глазах. Она прошла по коридорам, не обращая внимания на сломанные игрушки и убогий быт.

Она не искала обычного ребёнка, она искала дочь погибшего знакомого. Её взгляд скользил по лицам воспитанниц, пока не остановился на Лилии. Девушка сидела у окна, глядя на улицу невидящим взглядом. В ней не было страха, не было надежды. Только пустота и затаенная, тихая ярость, такая же как у её отца, которую он так испытывал к отбросам общества.

— Как тебя зовут? — спросила женщина, подходя ближе.

Лилия медленно повернула голову. Её глаза были сухими.

— Лилия, — ответила она голосом, лишенным интонаций.

— Прекрасное имя, — сказала женщина. — Я думаю, мы поладим.

Девочка не ответила. Женщина смотрела на неё ещё секунду. Потом улыбнулась — не тепло, не холодно, а как-то иначе, будто примеряла чужое лицо, — и продолжила: — Я

— Мара. Ты запомнишь меня. Имя повисло в воздухе. Лилия не знала, что оно значит. Но что-то в нём было — тёмное, как ночь за окном. Женщина развернулась, чтобы уйти. Однако у двери она остановилась. Не обернулась. Только чуть склонила голову, и в тишине коридора её голос прозвучал отчётливо, почти ласково: Ещё увидимся...

В древних текстах Востока Мара — искуситель. Тот, кто приходит к тому, кто ищет свет, и предлагает ему всё, чего он хочет. Богатство. Покой. Дом. Мара не отнимает силой. Мара даёт — а потом забирает больше, чем дала. Она улыбается, и ты идёшь за ней сам. Добровольно. Благодарно. И только потом понимаешь, что улыбка была не дверью, а клеткой. А ещё мара — это морок. Наваждение. То, что кажется, но не существует. Дом, которого нет. Семья, которой не будет. Женщина, которая назвалась матерью, но пришла за другим.

Лилия смотрела на её спину — прямую, узкую, обтянутую тёмным пальто. И чувствовала, как это имя просачивается в неё, как холодный воздух в открытую форточку. Она запомнит, обязательно запомнит имя той, кто пришёл к ней на помощь...

Глава 2

Через неделю Мара приехала снова. В детском доме говорили — совпадение. Лилия не верила в совпадения. В то утро воспитательница отве

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.